

Марианна Красовская

По сетейным обстоятельствам

Марианна Красовская
По семейным обстоятельствам

«Автор»

2023

Красовская М.

По семейным обстоятельствам / М. Красовская — «Автор», 2023

У Натки неважные семейные обстоятельства: три работы, двое сыновей-подростков и полный крах на личном фронте. Зато она умеет доить корову, экономить и делать несколько дел одновременно. Поэтому, когда один из неразумных отроков ухитряется активировать артефакт, который переносит ее и мальчишек в непонятный лес, она берет себя в руки... и осваивает новый мир с пугающим энтузиазмом. Дайте ей свеклу — и она накрошит винегрет. Дайте ей эльфа — и она вытащит его из депрессии и научит плохому. Дайте ей корову... Нет, заберите корову обратно, верните эльфа, он еще не всё умеет!

© Красовская М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Натка и детки	5
2. Натка и подянки судьбы	9
3. Натка и новый мир	13
4. Натка, терпение и пруд	17
5. Натка и свекла	20
6. Натка и нестандартные решения	23
7. Натка и собственный дом	27
8. Натка и планы на будущее	31
9. Натка и ведьмино наследство	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марианна Красовская

По семейным обстоятельствам

1. Натка и детки

На самом деле у Натки были подруги. Ну ладно, одна, зато лучшая. Правда, именно сейчас, когда вся эта ерунда началась, Лилька Горшкова уехала в отпуск, оставив Натке ключи от квартиры и указания, чем кормить кота. Просьбу подруги Натка восприняла философски. Впервые, она была рада, что Лилька с мамой в кои-то веки куда-то выбрались. Кажется, Лилька говорила, что в горы. Какие могут горы на пять дней, Натка не представляла, ну и ладно. Главное, что хоть кто-то отдохнёт. А во-вторых, можно будет посидеть в квартире подруги в одиночестве. Когда никто не дёргает "Мам, зашей мне рукав куртки", "Мам, мне ботинки жмут", "Мам, Владька опять мою ручку украл", "Мам, Стасик сегодня на музыке ПЕЛ!" Натка любила своих сыновей. Но и ненавидела порой тоже. Слишком их бывало много на нее одну. Особенно, когда они вдруг принялись расти как на дрожжах и пребывали в состоянии перманентного голода.

Самое обидное, что она – хорошая мать и с детства приучала близнецов к самостоятельности. Уж яичницу и макароны мальчишки могли приготовить сами. Только вот десяток яиц считали вдвоём за раз. И пачку макарон с кетчупнезом. Иногда Натка возвращалась ночью домой, заглядывала в холодильник и плакала. Прокормить двоих тринадцатилетних жирафов становилось все сложнее. Даже несмотря на то, что их отец исправно платил алименты. Целый прожиточный минимум. Его как раз хватало оплатить коммуналку и немного на еду. А ведь парням нужны зимние куртки, обувь, спортивные костюмы и тетради. А денег на все это не было никогда. Если бы не помощь бывшей свекрови, Натка бы не выжила. Но теперь у тети Тамары появилась долгожданная внучка, и свекровь, разводя руками, сказала, что к лету, конечно, купит мальчикам сандалии, а сейчас Мирочке нужна складная коляска и бизиборд.

Натка специально зауглила: бизиборд – это такая развивающая штука со всякими замочками. У Влада и Стаса её с успехом заменяли ботинки на липучках и связка ключей. И коляска у них была одна на двоих – этакий монстр, который ни в один лифт не влезал. Коляска, впрочем, была настолько агрессивной, что её никто даже не пытался украсть из подъезда, о чем Натка втайне горько сожалела. Украли бы – можно было бы у свекровь новую выпросить. Но пришлось с этой таскаться.

А в институте девушка так и не восстановилась. Обидно. Отличницей была. Планировала и в магистратуру, и в аспирантуру, а ушла только в декрет – после второго курса. В вечный.

Натка не то, что бы расстраивалась. Осталось недолго. В четырнадцать оба сына отправятся работать – хотя бы летом. Они уже давно копытами стучат и рвутся в бой: знают, что матери тяжело одной. Если станет полегче с деньгами – пойдёт на вечернее, доучится. И устроится, наконец-то, не курьером, а инженером. Не то, чтобы денег сильно больше, но все же больше. И не гоняться целыми днями в дождь и снег по немаленькому заводу.

На зарплату курьера мальчишек на ноги не поставишь, приходилось брать подработки: переводы там, курсовые, написание статей. Дома работать сложно, а вот в пустой Лилькиной квартире в компании брутального кота Тимофея – самое то. Поэтому в пять вечера Натка сообщила сыновьям, что будет поздно, борщ в холодильнике. Нет, не кончился, там пятилитровая кастрюля, а если уже сожрали – сходите к отцу в гости, ничего, раз месяц может и покормить вас. Да, на свидание, а вы как думали? С сибиряком. Усатым. Полосатым.

В чужой квартире тихо, темно и пыльно. Кота, который вчера мчался к Натке, сшибая на своём пути табуретки, не видно. Странно. И лоток нетронутый. Женщина пробежала в кухню, не разуываясь и не включая свет. А вот корм пропал, вся пачка.

Натка испуганно замерла посреди кухни. Это что же, кота украли? Вместе с кормом? Неужели соседи? Да нет, бред! Кому нужен притащенный с помойки кот со скверным характером? Натка опустилась на табуретку, уронила голову на подоконник: стол у Горшковых сломался три дня назад, они его выкинули. Что делать-то? А если не только кота? Знать бы, что тут было ценного...

В комнате неожиданно вспыхнул свет. Послышались тяжёлые шаги. Натка встрепенулась. Она точно захлопнула за собой дверь! И никто не брякал ключом! Что происходит?

Женщина на цыпочках прокралась по короткому коридору и заглянула в комнату. Там по-хозяйски расхаживал квадратный упитанный мужик с бородой и доставал книги с полок. Дюма и Пушкина брезгливо бросал на диван. Учебник физики за седьмой класс уложил к себе в сумку.

Что делать-то, мамочки! А рука сама собой нащупала перцовый баллончик в кармане...

Тем временем незнакомец набил свою сумку (оленья кожа, ручная работа, нарочито-небрежный стиль под старину) учебниками, достал из кармана красивую позолоченную штуку с маятником, странным циферблатом и блестящим голубым кристаллом в центре и принял её крутить.

"Не иначе, как моджахед, – поняла Натка. – Настраивает взрывное устройство". Что взрывные устройства бывают разные, она знала на личном опыте. Близнецы научили.

Вместо того, чтобы крикнуть что-то устрашающее, а еще лучше матерное, Ната кричала "ура". Выпрыгнула из тёмного коридора, нажала на распылитель баллончика, кинулась к страшному террористу... Тот заорал так же громко, заметался по комнате, сталкиваясь попеременно с рыдающей и орущей Натой, шкафом и старым телевизором на тумбочке. Раздался грохот, на миг запахло озоном, Ната во что-то вцепилась... и стало тихо.

Когда женщина отплакалась, откашлялась и исчерпала словарный запас русского матерного языка, то обнаружила, что в руках у неё та самая сумка ручной работы, и ещё на полу валяется золотая штука, уже не так уж и похожая на взрывное устройство.

===

"Натали, утоли мои печали, Натали", – вкрадчивый голос певца требовал своего на весь подъезд. Натка поморщилась: ей нравилась песня, но не так громко и не сегодня. Особенно настораживало, что на пятом этаже она звучала особенно сочно. А уж стоило ей войти в квартиру – акустическая волна едва не сшибла с ног.

– Кто у нас глухой? – рявкнула она таким голосом, что соседи снизу, сверху и с боков задумались о бренности бытия. – А ну, выключили музыку!

Выключили, как ни странно. Натка устало подумала, что новые навороченные колонки, подаренные близнецам любящим отцом, были даже хуже, чем барабан, который её дорогая свекровь подарила внукам на двухлетие. Женщина вздохнула, забросила трофейную кожаную сумку ручной работы на верхнюю полку шкафа и принялась разуваться.

– Где ты была? – раздался неожиданный голос со стороны кухни.

Бывший муж стоял в проходе, скрестив руки на груди, и смотрел с укоризной.

– На работе, – раздражённо буркнула Натка. – Что ты здесь забыл?

– Что ты за мать такая, Наталья? – сделал вид, что не услышал её вопроса Егор. – Почему дети мне звонят и говорят, что дома нечего есть, можно мы поужинаем у тебя?

– Там борщ в холодильнике.

– Там пусто, Наталья. Даже хлеба нет. Дети голодные, мать шляется неизвестно где...

– У детей есть руки. Где деньги, они знают. Надо – сходят в магазин.

– Наташ, ты совсем дура, да? Они ещё маленькие!

"Маленький" Влад, который был ростом на пол головы выше мамы, осторожно выглянул из комнаты, но, наткнувшись на свирепый взгляд Натки, тут же исчез.

– Егор, ты чего пришёл? Детей покормить? Похвально. Покормил? Домой не пора?

– Поговорить пришёл.

– Говори.

– Сейчас картошку дожарю. Ты пока раздевайся и мой руки.

Переход к мирному диалогу Натку изрядно напугал. С Егором они расстались хоть и без скандала, но далеко не друзьями. Вот так, поговорить, он заходил только однажды, когда его вторая жена Оксана родила дочь. Ребёнок плохо спал, много плакал, и Егор пытался уговорить Натку, чтобы она пустила его, несчастного, к себе пожить, аргументируя, что квартира, собственно, принадлежит ему. Был послан... к Оксане, конечно. Достаточно двоих брошенных детей.

Натка знала, что Егор просто так не является. Она искренне надеялась, что он не захочет к ним вернуться. Финансово это, конечно, помогло бы... но нафиг-нафиг. Прошла любовь, завяли помидоры.

Натка прошла в зал, морщась и заталкивая ногой носки под диван. Её, кстати, носки. Мужские были в другой комнате. Поправила покрывало на диване, рукавом смахнула пыль с подоконника и полила ящик с луковичками. Не сдохли, хорошо. В субботу можно будет салат накрошить.

– Наташ, ты только не кричи сразу, ладно? Сначала дослушай.

Такое начало наполнило душу Натки чёрной тоской. Она села на стул и молча уставилась на бывшего.

– Оксана беременна.

– Поздравляю.

– Будет мальчик.

– Я за тебя рада. Только при чем здесь я?

– Наташ, двое разнополых детей в однушке – это не очень хорошо.

Натка сглотнула. Ей стало очень-очень страшно. Хотелось что-то сказать, но горло перехватило.

– Наташ, ты ведь понимаешь, что это – моя квартира?

– А ты ведь понимаешь, что это, – Натка махнула рукой в сторону коридора. – Твои дети?

– Я не отказываюсь от детей. Они могут жить со мной.

– Что? – потрясенно выдохнула Натка. – Как ты себе это представляешь?

– Мальчики взрослые. Они имеют право выбирать, с кем из родителей жить.

– А Оксана?

– Она не против. Мы обменяем две квартиры на трёшку или даже четырехкомнатную, мальчикам выделим долю. Они будут жить как и раньше – в отдельной комнате.

– Егор, ты ополоумел? – Натка бы выразилась погорячее, но догадывалась, что дети подслушивают. – Я не отдам тебе сыновей! Я не смогу без них! Это... это же мои дети!

– Наташ, посмотри правде в глаза. Ты – плохая мать. Дети голодные, сидят одни до ночи. Дома даже хлеба нет, не говоря уж о колбасе. Грязь везде.

– Я работаю на двух работах, Орлов! И еще переводы беру! – взвилась Натка. – Чтобы их прокормить и одеть!

– Вот! Ты даже прокормить их не можешь! А ведь я плачу алименты! Я обеспечил вас жильём! Моя мама постоянно вам помогает! Почему Оксана все успевает? У неё дома чисто, еда готова, она и работает через интернет, и с ребёнком справляется. А ты, Наташ, мать-кукушка. И ещё надо подумать, куда ты деваешь деньги, которые я тебе ежемесячно перечисляю!

– Орлов, твоих алиментов хватает на две куртки!

– Ты каждый месяц куртки, что ли, покупаешь?

– Пошёл вон отсюда, – устало сказала Натка, понимая, что объяснить ему все равно не возможно, а оправдываться она не хочет. – Мне завтра утром на работу, детям в школу.

– Я-то уйду. Только имей в виду, что квартира эта будет продана.

– Ты не можешь отобрать у детей единственное жилье.

– Дети будут жить со мной. Так и алименты мне не придётся платить. А тебе – придётся.

– А ты мальчиков спрашивал, хотят ли они жить с тобой? – Натка храбрилась, понимая, что у него была куча времени договориться с Владом и Станиславом, пока её не было. И если он уже договорился – остаётся только пойти и утопиться в ванной, чтобы не портить никому жизнь.

– Не спрашивал, – признался Орлов. – Но они умные ребята, явно поймут, что лучше с отцом и сестрой, чем с такой матерью. Я и секции смогу оплачивать. И в лагерь на лето отправлю.

– Мы с мамой хотим жить! – крикнул из коридора Владик.

– А пойдешь в суд – мы скажем, что ты к нам приставал с извращенными намерениями! – вторил Стас.

Натка застонала и закрыла лицо руками. Поддержка детей, безусловно, была приятна. Но палку Стаська перегнул.

– Ты настраиваешь детей против меня? – тихо и угрожающе спросил Егор, и Натку понесло.

– Я настраиваю? – взвизгнула она. – Да ты сам появляешься раз в год! На их день рождения! Ты не знаешь, что они любят. Ты понятия не имеешь, чем они увлекаются! Ты даже номера школы не знаешь, не то, что на родительское собрание сходить! Ты ни разу не сидел с ними на больничных! Какой ты после этого отец, Орлов? Ты хоть раз вывез их на природу? Или сходил с ними на велике покататься, а?

– А ты? Ты ходила? – заорал в ответ Орлов. – Дети брошенные у тебя! Не удивлюсь, если у них и в самом деле есть друзья-извращенцы!

– Я ходила! Мы недавно на скалодроме были! И на великах летом катались! А то, что я мало уделяю им внимания – я, твою мать, работаю на заводе! А по выходным – ещё уборщицей в фитнес-клубе! А не в декрете сижу, как Оксана!

Натка понимала, что Оксану она упомянула зря. Бедная девушка не виновата, что её муж – слегка мудака. И к парням она относилась по-настоящему хорошо. И с самой Наткой старалась дружить.

– Так надо было учиться, как Оксана! – добил её Егор. – А не бросать институт!

– Эй, Орлов, я на минутку твоих детей родила, а ты свалил к маме, когда им было два месяца! Мне что, с ними надо было на лекции ходить?

– Восстановилась бы, если бы захотела. А вообще – тебя кто-то заставлял рожать?

– У нас семья была, Орлов, – в отчаянии выдохнула Натка. – Мы их вдвоём сделали, очнись! И вдвоём принимали решение рожать!

– Ты на меня не перекладывай, – бросил Егор, выходя в коридор и надевая куртку. – Я мужик, я не рожая и не кормлю. Аборт бы сделала, раз не способна детей вырастить. Сроку тебе даю месяц, в общем. Решай, куда, кто. И покупатели будут приходить, покажешь им тут всё.

2. Натка и подлянки судьбы

Егор ушёл, а Натка, трясаясь, съехала со стула на пол и заревела. Что делать, она не знала. Стаська и Владик подошли к ней, сели рядом и обняли с двух сторон.

– Да ладно, мам, прорвёмся, – тихо сказал один.

– Еще годик потерпи, а там мы работать пойдём. Я узнавал, можно листовки раздавать.

– И в магазин грузчиком после школы.

– А после девятого класса – в ПТУ. А потом на завод. Рабочие хорошо получают, мам.

А в институт можно и на вечернее.

– Ты не реви, насрать на этого мудака.

– Владик, это твой отец вообще-то.

– Донор спермы он, а не отец, – зло ответил сын.

– Не говори так. Сам посуди – у него вторая семья. Он не может их обделять. Там тоже двое детей будет. И Оксана – хорошая, не гадина какая-нибудь. А квартира и в самом деле его. То, что я здесь тринадцать лет живу – спасибо ему.

– Мам, ну мы же тоже его дети.

– Так он вас и не бросает. И даже готов забрать. А меня он забрать не может, – Натка улыбнулась сквозь слезы и потрепала Стаса по волосам. – Может, и в самом деле – вам с ним пожить?

– А ты?

– А я пойду в соц. отдел, попрошу комнату в общежитии. Своего жилья у меня нет, должны дать. Наверное.

– Мы лучше с тобой в общегаге будем жить, – спокойно заявил Влад. – Справимся, мам, не плачь. Мы помогать будем. Полы мыть.

– Ага. И готовить. Ты прости насчёт борща, к нам Димка с Серёгой заходили... мы вот пообедали. Там картошка есть, будешь?

– Буду, – поднялась, утирая слезы, Натка. – Спасибо, мальчики.

– За что?

– За поддержку.

– Женщина, ты что? Ты ведь не думала, что мы тебя променяем на этого урода?

– Вообще-то думала, – честно призналась Ната. – Вы же года три назад орали, что если я буду заставляю вас чистить зубы и делать уроки, уйдёте жить к отцу.

– Мам, ну это другое... мы уже взрослые.

– И это замечательно! – улыбнулась она, обнимая по очереди мальчишек. – А теперь ужинать, чистить зубы и дневники мне на проверку.

– Ну ма-а-м!

Женщина в социальном отделе выслушала Нату с сочувствием. Ната вывалила все как есть: и про бывшего мужа, и про угрозы отобрать детей, и про отца в деревне за триста километров от её города. Не потому, что на жалость давила, а просто нужно было выговориться. Лилька, уехавшая в отпуск, так и не вернулась. Ната, измучившись, вызвала полицию, наврав, что пришла кормить кота и увидела разгромленную комнату. Куда уехали Алла и Лилия Горшковы, она не знает. Они говорили про горы, конкретное место не называли. Паспортов нет, дипломов нет, телефонов нет, части одежды нет. Участковая, приятная молодая женщина Наткиных лет, записала показания и забрала ключи от квартиры, которые Натка отдала, скрипя зубами. Может быть, стоило что-то наврать начальству на заводе, а самой переехать в Лилькину квартиру с сыновьями? Нет, это подло. Натка была уверена, что к исчезновению женщин приложил руку тот квадратный коротышка, которого она видела в квартире. Если бы она

знала, откуда он взялся и куда испарился – обязательно бы рассказала про него в полиции. Но она реально боялась, что её сочтут или сумасшедшей, или в чём-то виноватой, поэтому промолчала.

Всё навалилось одновременно: и исчезновение подруги, и ультиматум бывшего мужа. Для полного счастья судьба могла подкинуть увольнение с работы, но, к счастью, ничего подобного не произошло. Наоборот, соцработник отправила её на консультацию к заводскому юристу, да еще материальную помощь выписала. Хорошая женщина.

Натке вообще в жизни гораздо больше встречалось хороших людей, чем плохих. Она даже Егора не могла совсем уж мудаком назвать. Он ведь и в самом деле от алиментов не бегал, из квартиры её не выгонял, сам жил с женой в однушке, пока Оксана вторым не забеременела. По сути, он действительно был ничем не обязан, только детям, а детей бросать не собирался.

Юрист ей тоже понравился. Он прямо сказал, что шансов у неё очень мало. Ну и что, что прописка, право собственности нынче важнее. Лучше вы, Наталья Сергеевна, просите общежитие, предприятие поможет, или к родителям в деревню...

Натка даже задумалась о втором варианте. А что, сельские школы ничуть не хуже городских – она вот вполне поступила после неё в институт. И школу с серебряной медалью закончила. Но в деревне работы нет от слова совсем, и вообще ничего нет, только самогон. Вспомнила отца, вечно синего после смерти матери. Вспомнила, как мать умерла от аппендицита, когда скорая не смогла доехать. Нет, спасибо. В городе лучше. И потом, дом с печкой и туалетом на улице её совсем не манил. И отсутствие водопровода пугало. А ведь когда-то она и козу доила, и корову. Хорошо, что те времена остались в далёком прошлом. Хотя если бы стоял вопрос выживания – она бы смогла.

Натка была готова признать в себе синдром отличницы. Она старалась во всем достигать совершенства. И в учёбе, и в работе, и в дойке коз, и в дрессировке детей.

Поэтому, наверное, и Егор ушел: не выдержал её давления. Она ведь от него тоже требовала многого: и чтоб зарабатывать, и чтоб с детьми гулял, и чтобы по дому помогал. Не учла, что мужики – существа слабые.

С общежитием, кстати, неплохо вышло. Соцработница предложила Натке отличный вариант: в ноябре освободятся комнаты после китайских коллег, которые приехали на стажировку. Они там своими силами ремонт сделали и вообще – комнаты хорошие, светлые, большие. Женщина очень советовала подождать, а не заселяться в те, что сейчас свободны. Всё же иностранцам дали лучшее, что было. Натке пришлось созваниваться с Оксаной. Вот опять же – Орлову со второй женой повезло невероятно. Оксана Натку выслушала, сказала, что ей рожать в феврале, месяц она как-нибудь подождет. А если Орлов будет возникать – пусть валит на этот месяц к маме. Не волнуйся, Натка. И прости, что так вышло... я предлагала Орлову просто поменяться квартирами, но он упёрся.

Натка не сердилась на Оксану, напротив, была ей благодарна за отсрочку. Хотя и понимала, что идея с квартирами, скорее всего, была её. Орлов и в былые времена оправдывал свою фамилию: он – птица гордая, не пнешь – не полетит. Понимала она и то, что Оксанке перед ней ужасно неудобно, поэтому она и согласилась на не самые приятные условия. Худой мир лучше доброй ссоры. Во всяком случае, теперь у нее была впереди целых два месяца – и это куда лучше, чем ничего.

Мальчишки, явно впечатленные пережитым скандалом и туманной угрозой расставания с матерью, вели себя идеально: мыли посуду, пылесосили и жарили яичницу из десятка яиц. С учебой у них, правда, лучше не стало, потому что оба собирались в ПТУ, а зачем тогда напрягаться? Тройки выходят и ладно. С одной стороны, Натка пыталась им доказывать, что знания – вещь нужная в жизни, а с другой – лично ей закон Ома и теорема Пифагора ни разу в жизни не пригодились. Зато пригодилась арифметика и правописание, которые в начальной школе дают.

Тревожило Нату только одно: что Лилька и ее мама так и не нашлись. Никаких следов, никаких зацепок. Они не покупали билеты на поезд, их не видели владельцы маршруток и кассиры автовокзала. Два взрослых человека просто испарились без следа. Это было бы очень страшно, если бы она лично не была свидетелем, как исчез бородатый моджахед из их квартиры. В полиции искали трупы, не веря, что Алла и Лиля живы. Говорили, что по весне или в речке всплывут, или в лесу из-под снега. В их квартиру вселилась двоюродная тетка из Камышевска. На работе их помянули, поставили свечки в церкви и забыли. А Натка не забыла. Она искала сумку, которую отбила у бородатого, но так и не вспомнила, куда ее дела. Да и принесла ли она ее домой вообще? Орлов ее тогда так ошарашил, что не до сумки было.

Китайцы выехали, и Натка сбегала на разведку. Комната как комната. Большая, двадцать четыре квадрата. Есть стол и электрическая плитка. Кухня на этаже, туалет и душ один на блок из четырех комнат. В блоке остальные комнаты оставлены для командированных, а это значит, что чаще всего они будут пустовать. В общем, не всё так плохо, как казалось вначале. Конечно, мальчикам к школу на троллейбусе ездить придется, и Натка опасалась, что они будут делать это не так часто, как следовало бы, но зато ей до работы близко. Может и в обед забегать, контролировать своих отпрысков.

В общем, настал час сбора вещей, которых внезапно оказалось слишком много. Зачем ей столько посуды? Достаточно шести тарелок, одного набора столовых приборов и трех кастрюль. И огромной сковородки. Казан и утятница ей теперь не нужны будут. И противни тоже. Несколько пакетов вещей, из которых выросли сыновья, она раздала знакомым. Своей же одежды оказалось до обидного мало: двое джинсов, пара свитеров, теплое пальто, платье да сапоги. Остальное было безжалостно вынесено на помойку, ибо растянутое, с пятнами или просто безнадежно устарело.

– Мам, а откуда у нас эта сумка? – крикнул из коридора Владик.

Мальчиков теперь было легко различать с первого взгляда: Владька пытался выбрить себе виски, хорошо, что уши не сбрил. Теперь сверкал ультра-короткой стрижкой. Стасик, наоборот, завязывал похабный хвостик на затылке. Натка не препятствовала – пусть. Помнила, как в четырнадцать отец отходил ее хворостинкой за обстриженную косу. Время прошло, ноги и задница зажили, а обида на родителей осталась: им вот нужна была эта коса? Длинные волосы нужно мыть, а воду в деревне из колодца брали, потом в ведре грели. С короткими было намного проще. К тому же, когда еще чудить, как ни в юности? В тридцать два уже не больно-то выкрасишь волосы в синий, и бровь не проколешь. Если уж две лишние дырки в ухе на работе фурур произвели, то что говорить о чем-то более глобальном?

– Какая сумка, Слав? – крикнула в ответ женщина, дотронувшись до правого уха и улыбнувшись. – Тащи сюда, посмотрим!

– Мам, я готов! – заявился в комнату Стасик с огромным туристическим рюкзаком за плечами.

– Слав, а палатка тебе зачем? А спальник?

– О, какая крутая штука! – восхищенно заявил Владик, вливаясь в комнату с золотой фиговинной в руках. – Мам, откуда?

– Не трогай! – заорала Натка, с ужасом узнавая ту «взрывчатую» штуку из Лилькиной квартиры. – Положи на место!

Но подросток уже что-то покрутил, куда-то нажал... и камень в золотой треугольной штуковине вспыхнул ядовитым голубым светом, очерчивая на полу круг.

– Ух ты! Лазерный светильник! – радостно завопил Стасик и с разбега в этот круг прыгнул. И пропал.

Натка и Владик переглянулись.

– Как считаешь, это портал в другое измерение или аннигилятор? – ломким шепотом спросил еще имеющийся у Натки отпрыск.

- Молись, чтобы первый вариант, – рявкнула Натка. – Если я не вернусь через пару часов
- иди жить к отцу!
- Ты чего выдумала? – взвизгнул парень.
- Я иду за своим ребенком, – твердо ответила женщина и смело шагнула в круг.

3. Натка и новый мир

Грудь сдавило ужасом, лицо и кисти рук обожгло холодом. Запахло озоном.

Натка открыла глаза. Вокруг был лес. Натуральный лес. Снег, деревья, солнышко в небе, отчаянно матерящийся Владик с безумными глазами.

– Владька, прекрати, – попросила его мать, не зная, что делать – то ли вцепиться в родимую дитятку с бабьим воем, то ли выпороть его как сидорова козла за дурацкие шутки.

– Ох-ре-нет, это все же портал! – раздался радостный вопль Стаса.

Натка подпрыгнула.

– Я тебе что, дуралею, велела? – строго спросила она.

– Идти к отцу, – отрапортовал сын. – Я что, совсем больной? Я лучше с тобой.

Натка тяжело вздохнула. С одной стороны, хорошо, что оба ее ребенка при ней и под контролем. С другой – черт знает, куда их занесло, и как выживать в лесу. Одно радует – они все живы, а значит, и Лилька с ее мамой живы. Надо как-то попытаться их найти, вот. Это хотя бы отдаленно смахивало на план. Для начала она отобрала у Владьки сумку и перемещатель – а то мало ли, что он еще натворит. А вдруг там все же есть режим аннигиляции? А потом уже строго посмотрела на сыновей:

– Ну что, юные скауты, куда нам идти?

– Туда, – хором ответили мальчишки, указывая в разные стороны.

– Направо войдешь, коня потеряешь, – оптимистично заявила Натка. – Коня у нас нет, идем направо.

– Почему? – насупился Владька, потирая озябшие уши.

– Там тропинка, – пояснила глазастая Ната. – Стась, а дай-ка мне твой спальник, я его на плечи накину. Холодно.

– Вот, а ты говорила, зачем мне рюкзак! – радостно и очень громко заорал наиболее умный из ее детей. – У меня там и шапка есть! И свитер!

– Шапку Владьке отдай, он у нас самое слабое звено, – скомандовала мать. – Ну что, Сусанины, вперед!

– Мам, мы вообще-то Орловы.

– Так, Владик, шапка переходит к Стасику. Теперь он у нас – младший сын.

– Это потому что дурачок? – обрадовался Владька.

– Именно. Два очка в твою пользу. Ты знаешь, кто такой Сусанин, старший сын?

– Конечно, – уверенно ответил тот. – Он про собаку написал. Которую дед Мазай утопил.

Натка закатила глаза и предпочла не комментировать познания своих детей.

Ноги в домашних тапочках озябли даже быстрее, чем промокли. Натка начала стучать зубами. Дети были более упакованы: у них были одни ботинки на двоих, которыми они планировали поменяться, ибо Влад успел одеться, куртка, теплый свитер и шапка с помпоном. А еще у них была палатка, что не могло не радовать.

Самое смешное, спор про старшего сына был глупым. Натка понятия не имела, кто из мальчишек родился первым. Весили они одинаково, выглядели одинаково, орали одинаково. Кого из них она нарекла Станиславом, а кого – Владиславом, она не помнила. Первые дни они оба были Славками. Потом одному поставили зеленкой точку на лбу, и он стал Владькой. С таким опознавательным знаком было хотя бы немного понятно, кого она уже покормила, а кого нет. У нее даже график на обоях был нарисован, где она отмечала помывки, смену памперса и кормление. Потому что пару раз (не пару, гораздо больше) она кормила одного дважды и мыла другого второй раз подряд. Славные были времена! Главное, что она тогда выжила. А Орлов не смог, сломался.

– Мам, я есть хочу, – неожиданно выдал один из Славиков.

- Поешь снега, – меланхолично предложила Натка. – Главное, желтый снег не ешь.
- Мам, ну я серьезно...
- Славик, ты здесь видишь еду? Или, может быть, кухню? Нет? И я нет. Хочешь еды – поймай ее, освежуй и пожарь. А меня оставь в покое.
- А что такое «освежуй»?
- М-да, прав Орлов: воспитанию детей она уделяла безобразно мало времени!
- Тропинка становилась всё шире, и это радовало. Ноги у Натки окоченели, уши горели огнем. Она оглянулась на мальчишек, но они выглядели не лучше: Владик шмыгал носом, а Стас дрожал. Оказаться в зимнем лесу в домашней одежде – то еще удовольствие!
- Ничего, – бодро сказала Ната. – Зато не на острове с людоедами!
- Угу, – согласился какой-то из Славиков. – Еще не факт, что здесь не живут орки или гоблины.
- Или нет чумы! – радостно поддакнул второй.
- Или рабства!
- Или святой инквизиции!
- Оптимистичные у нее дети, ничего не скажешь. Все в мать.
- Деревня, – сказала Натка, вглядываясь в небо, где виднелись столбы дыма.
- Не, это ведьм жгут! – не унимался Славик.
- Да мне уже плевать, кого там жгут, – устало сообщила мать. – Ног не чувствую. Если и меня за ведьму примут – хоть согреюсь напоследок!
- Мальчишки тревожно переглянулись.
- Мам, давай ты мои ботинки наденешь? – предложил Владька.
- Сорок второго размера? Спасибо, мне не по ноге. Ой, да идемте уже, чего застыли? Мама с вами, мама всё разрулит!
- Это-то и пугает, если честно, – буркнул Стаська.
- Ната хотела ему дать подзатыльник, но решила не тратить силы. И без того их было немного.
- Деревня была вполне нормальной. Деревянные домики: где-то свеженькие и ровненькие, где-то косые. И мужичок, которого они догнали, был вполне человекообразным, только одетым как-то уж подозрительно старинно: в овчинном полушубке, меховой шапке и сапогах из шкуры. На плечах у него был хворост.
- Радовало то, что у мужика было две руки, две ноги, борода, нос и глаза.
- Откуда дровишки? – нахально поинтересовался Стасик.
- Заткнись, – прошипела мать. – Не по чину тебе, малолетке, так со старшими разговаривать.
- В ее детстве за такую наглость можно было огрести, это же не город, тут детям в попу никто не дует.
- Верно говоришь, красавица. Откуда взялась такая?
- Из лесу, вестимо... – тьфу, Стаська сбил с мысли. – Сами мы неместные, заблудились.
- Эльфы, что ль? В смысле, альвы?
- Кто, мы? – изумилась Натка. – Спасибо за комплимент, конечно. Люди мы. Уважаемый, а деревня как называется?
- Волковойня.
- Натка сглотнула, понимая, что явно такое название дали местному населенному пункту неспроста.
- А ты откуда, барышня?
- Эээ... в общем-то, я в Березоньке родилась, а потом где только не жила, – выкрутилась женщина. – Уважаемый, а гостиница в вашей деревне имеется?

– Трактир имеется, – важно ответил мужик. – Там на втором этаже и комнаты сдаются. Ты иди по дорожке прямо, к нему и выйдешь.

– Спасибо, – кивнула Натка, махнула головой мальчикам и поковыляла по тропинке к деревне.

– Мам, а почему они по-русски разговаривают? – задал резонный вопрос Стасик.

– Спроси чего попроще. Я что, каждый день в прошлое попадаю?

– Почему в прошлое? Может, это будущее?

– Ага, с эльфами. И орками.

– Другая реальность, – авторитетно заявил Влад.

– Средиземье, – поддержал его Стас.

– Может, Нарния? – с надеждой возражал Влад.

– Или компьютерная игра. Прикинь, если бы мы этого дровосека грохнули, а у нас уровень вырос бы и лут падал!

– Заткнулись оба, – хмуро велела Натка. – Пока вас кто-то на лут не пустил. Например, я.

Где-то кукарекал ненормальный петух, чуткое женское ухо уловило и мычание коров, и хрюканье свиней. Деревня была вполне реальна. И трактир с оптимистичной вывеской «Волк и охотник» тоже выглядел настоящим. Из трубы шел дым, пахло едой.

Натка поправила спальник на плечах и решительно толкнула дверь.

Большой зал с низким потолком и грязными окнами был почти пуст. Только в углу сидели две сомнительные личности, да дородная баба в чепце лениво размазывала грязь по столикам. Мужик за стойкой, отделявшей кухню от общего зала, выглядел, мягко говоря, неприветливо.

– Здравствуйтесь, – сказала громко Натка. – Мы заблудились в лесу. Вот, вышли к вам. Денег нет, сами мы неместные, голодные и замерзшие. Какие есть варианты оплаты в вашем чудном заведении?

Стриженный под горшок мужик с бородой и усами как у Карла Маркса, моргнув, пытаясь понять столь сложную фразу. Потом почесал затылок, изобразил на лице улыбку и сообщил:

– За обед можно и работой заплатить. Пусть отроки дрова наколют.

Отроки скисли, но под суровым материнским взглядом кивнули.

– Гей, Паранька, проводи отроков на задний двор, да дай им топор. Так откуда вы, госпожа?

– Из Березонек, – уже более уверенно ответила Натка. – Как вас, хозяин, звать?

– Финоген я.

– Наталья.

– Добро пожаловать в «Волка и охотника», госпожа Наталья.

– Финоген, а книги у вас в цене?

Натка подумала, что раз квадратный моджахед собирал в свою сумку именно книги, то они должны обладать в этом мире определенной ценностью. Больше продать ей было нечего, разве что Стаськин рюкзак распотрошить.

– Книжки? Какие книжки? – оживился трактирщик.

Натка покопалась в сумке и извлекла оттуда азбуку с картинками, справедливо рассудив, что учебник геометрии или физика 9 класса вряд ли пригодятся деревенскому мужику.

Яркая книжка в синей обложке Финогену сразу понравилась, а уж увидев картинки, он едва слюни не пустил.

– Эльфийская работа, – зачарованно выдохнул он, кончиками пальцев трогая золотую букву А на гладкой обложке. – Красотень-то какая! А написано тут что?

– Мама мыла раму.

– Заклинания что ли?

– Нет, это книжка для обучения чтению.

– И не только, – кивнул Финоген. – Картинки-то какие мудреные. Одежды заморские, игрушки сказочные... звери диковинные. Где ukrала?

– Почему сразу ukrала? – обиделась Натка. – Моя это. Наследство.

– Читать умеешь? – прищурился трактирщик. – Ну ка, что на стене написано?

И ткнул пальцем в изрядно подкопченный листочек в рамке на стене. Буквы там были чудно изогнутые, были яти и ижицы, но в целом вполне читаемо.

«Грамота сия дана однодворцу Финогену, сыну Виталиуса, в том, что он имеет право продолжить отцовское дело и владеть трактиром «Волк и охотник» что в деревне Волковойня близь реки Жабня в наследство до самой смерти. Писано в месяце травне года девятьсот шестого от основания княжества Белогорского».

– Ишь ты, грамотная, – с удовлетворением крикнул Финоген. – Сколько за книжку свою красивую хочешь?

– А сколько дашь? – прищурилась Натка.

– Золотой!

– Ясно. А еще лавки тут есть? Пойду там предложу.

– Эээ, постой, – заволновался трактирщик. – Свою цену назови!

– Пятнадцать, – наугад брякнула Натка.

– Ты дура? – изумленно спросил Финоген. – За пятнадцать я тебе сам нарисую. Восемь.

– Десять.

– Без ножа режешь, – скрипнул зубами дядька. – Ладно, десять. Но придется подождать. Натка пожала плечами – кто-кто, а уж она никуда не торопилась.

4. Натка, терпение и пруд

Вот ведь феномен: десять золотых монет согревают ничуть не хуже, чем печка. Возможно, даже лучше. Во всяком случае, Натке было тепло и приятно осознавать, что она не нищенка, а в сумке еще несколько учебников. Главное, разумно распорядиться деньгами. А для начала – диспозиция.

Деревня с очаровательным названием Волковойня располагалась на не менее прекрасной реке Жабня – это она уже выяснила. Деревня не маленькая – почти на сто дворов. Сама Натка жила в гораздо меньшей. Местные жители особой религиозностью не отличались, церкви здесь не было, была маленькая часовенка на холме. С другой стороны холма была деревня Рачки, выше по реке – небольшой город Каменск. На всякий случай Натка уточнила о религии – не хватало еще на костер попасть, как ведьма. Стоит ли говорить местным, что земля круглая? А что руки нужно мыть перед едой? И овощи с фруктами тоже.

Оказалось, всё довольно просто: был Создатель и его жена Медуница. Все люди, цверги и альвы – их дети. На цвергах Натка сглотнула, на альвах нехорошо выругалась. Она в принципе как-то сразу поняла, что попала в другой мир. И даже не слишком расстроилась, потому что... ну, хуже уже, если честно, было некуда. Да и к чему расстраиваться из-за того, чего не изменить? Разве не интереснее всё тут исследовать? Близнецы же и вовсе пребывали в щенячьем восторге: в школу ходить не надо, детьми их тут никто не считает, нет занудного отца и его жены, и вообще – новый мир же! Будет что рассказать в школе! Натка деликатно им напомнила, что вернуться домой им удастся вряд ли. Они ответили, что это не их проблемы, а этого мира... Умненькие детки, а, главное, самокритичные.

Предстояло решить, что делать дальше. Прозябать в деревне Ната не собиралась, лучше уж город, а еще лучше – столица. Финоген, как умел, набросал карту: по всему выходило, что до столицы лучше всего добираться по реке: быстро, недорого, безопасно. Но река уже местами встала, поэтому выбор был невелик: или ждать весны, или как-то добираться лесами и трактами. Для одинокой женщины с двумя подростками – не самый лучший вариант.

Стало быть – зимовка. Или здесь, в Волковойне, или в Рачках. Можно и Каменск податься, но Финоген вдруг предложил Натке остаться жить у него. Работа в кабаке не требует навыков: полы да столы мыть, продукты покупать, с готовкой его жене помогать. Оказалось, что на зиму сын его уехал учиться в университет (ну как уехал – уплыл по реке), а вернется только в середине весны. Раньше у Финогена работала местная баба Авдотья, но недавно у нее внучка народилась, надо было нянчиться. Словом, дела у Финогена шли сейчас неважно, а ведь трактир у него придорожный, единственный в деревне. Рядом торговый тракт проходит, гости заморские часто бывают. Жена его и дочка с ног сбиваются, а все равно рук не хватает. Словом, Натка для него – ангел божий.

Быть ангелом Натке не хотелось – они, как известно, существа неземные, эфиром питаются и деньги им не нужны. К тому же она не одна, а с двумя парнями, которые вон, дров нарубили, воды наносили, полкотелка жаркого смели, а теперь сидят с осоловелыми улыбками на лавке и клюют носом. С одной стороны – помощники. Их и пиво разносить можно припрячь, и работа тяжелая по плечу, двоим-то разом. Словом, платить им двоим следует как взрослому мужику, а то, что они едят, как три человека, так это возраст такой.

Хозяин возражал, что питание и проживание у него не бесплатное, Натка напирала на ненормированный рабочий день и требовала два выходных и отпуск. Сошлись на двадцати серебряниках в месяц – десять ей, десять Стаське и Владьке. И выходной один, как у всех людей. Словом, сговорились, причем Финоген к концу беседы пот вытирал и обещался Натку заместо себя посылать торговаться с мясником. Женщина ему объяснять не стала, что на самом деле она белая и пушистая, а зубы у нее прорезаются только тогда, когда дело касается детей.

Комнату им выделили, разумеется, не хозяйскую и не из тех, что приезжим сдают, да оно и понятно: прислуга же, причем черная. Но Натка не жаловалась, вспоминая общагу. Помещение ее располагалось в дальней части дома, за обеденным залом и кухней, и вход у него был отдельный, с заднего двора. Ну, или через кухню. Очень даже неплохой вариант – тепло, окно имеется, в туалет типа «сортир» бегать недалеко. Гостям предлагались ночные вазы, но для Наты подобное было немислимо. Да и неловко – все же с мальчиками живет. Несмотря на то, что здесь есть ширма, все трое решили, что ведро – это не их вариант. Да и пахнуть будет...

Кой-какую одежду Натке отдала хозяйка «Волка и охотника», красавица Оксана. Была она женщиной крупной, величавой, с суровым нравом и нежным сердцем. Узнав, что Натку с детьми муж выгнал из дома, она разохалась, пустила скупую слезу и выделила ей материальную помощь в виде пары валенок размера этак сорок пятого и овчинной дохи. Да еще отрез мягкой шерсти от сердца оторвала, все равно он водой подпорчен был, ну да мальчикам на портки сгодится. Поскольку шила Натка последний раз еще в школе на уроках труда, пришлось ей расстаться с одной прекрасной, несравненной, великолепной золотой монеткой с отверстием посередине и заказать у местной швеи самое необходимое: нижнее белье, пару платьев, да парням штаны, рубашки и, о ужас, ботинки из козлиной кожи. А еще носки вязанные, шапки, шарфы и прочие мелочи, без которых жить было решительно невозможно.

Как горько Ната жалела, что никогда не была рукодельницей! Ни шить, ни вязать она не умела. Местная грамота давалась ей с трудом – слишком много лишних букв. Читать получалось, а писать совсем нет. В общем, от подростков было и то больше толку, чем от нее – они хоть топор в руках умели держать, хоть и интуитивно. Видимо, генетическая память предков дала о себе знать.

Не сказать, чтобы сама Ната пребывала от подобной жизни в восторге, но жилось ей однозначно лучше, чем раньше. Ну, завтрак подать, столы протереть, полы ночью помыть, ночные вазы за постояльцами вынести. Ничего сложного, низкоквалифицированный труд. Белье стирать ее не просили, и то счастье. Хотя один раз она попыталась, но едва простынь в пруду не утопила. А ткани были дорогие, все сплошь привозные. Поэтому на пруд ее больше не брали.

Стирать белье в деревне – целая эпопея. Сначала во дворе каждая хозяйка белье замачивала, потом на досках натирала со щелоком, а потом к полынье тазики тащили, полоскали и выжимали. Для стирки выделялся целый день. Оксана сама не стирала – берегла руки, да и некогда ей было. Она целый день на кухне торчала. Поэтому белье в стиральный день забирали соседки. Оксану считали здесь лентяйкой и балованной барыней, то же самое стали говорить и про Натку, но ей было плевать. Стирка со щелочью, разъедавшей до мяса непривычные к такой агрессивной среде руки и полоскание в ледяной воде в сферу ее интересов не входили.

Вообще, в отличие от местных баб, Натка ни капли не мучилась угрызениями совести за то, что могла прилечь днем вздремнуть или просто посидеть на лавочке и поглазеть в звездное небо. Она не собиралась здесь оставаться навсегда, ее не интересовали сплетни, скандалы и цены на свинину. Дожить бы до весны, а там – прощай, Волковойня и иди к черту. Потому что Натка не планировала всю жизнь обслуживать местных мужиков и выносить ночные вазы.

Это сначала ей показалось, что работа у нее не сложная. Утром завтрак всем желающим подай, пока они изволят кушать, нужно пробежаться по комнатам, вынести ночные горшки и застелить кровати, да заодно поглядеть, не пропало ли что из обстановки: занавеска там или полотенце, или стул (да-да, и стулья воровали – ну совсем как на родине). Потом посуду собрать, отнести в кухню, где дочка Финогена ее помоеет, пока хозяйка готовит обед. Дальше самая приятная часть: дойти до зеленщика или пекаря, или до мясника – зависит от того, какие продукты на исходе. А то и к рыбаку за рыбой – это прогулка почти на час: пока дойдешь, пока лучшую рыбу выберешь, пока поболтаешь с Есением-рыбаком, веселым мужичком, который в первую же встречу Натке предложил за него замуж выйти и до сих пор попыток подкатить не оставлял – чем не развлечение? Дальше – обед подать, тарелки собрать, столы протереть,

белье в комнатах, где нужно перестелить, полы в номерах помыть... Причем с бельем и полами ей помогали и мальчишки, и Финоген, когда был свободен. С одной стороны – это вам не по всему заводу бегать с корреспонденцией, а потом еще по ночам сидеть с переводами и статьями всякими. А с другой – Натка и так не была толстой, а теперь и вовсе исхудала, потому что поесть вечером сил часто просто не хватало. И не сказать, что работа тяжелая – просто она бесконечная. Могли и посередине ночи поднять, попросить еды или путник какой ночлега искал. А уж про выходные и говорить нечего, не было у нее этих выходных, в самом деле – Оксанка работала ничуть не меньше самой Натки, и заменить ее некому было.

Разве что хозяйка посреди зимы с жаром свалилась, пришлось Натке еще и постояльцев принимать, потому что Финоген сам готовил в те дни, хотя мог бы Натку заставить, и она бы поняла его правильно. Но нет, обещал, что на кухне работа ее не касается – и обещание сдержал. Настоящей отрадой для женщины стали сыновья. Пользы от них было куда больше, чем в городе: и по хозяйству помогут, и на рыбалку с мужиками сбегают, и соседям, когда попросят, воды принесут, а уж в «постирочный» день цены им не было: белье доташат и развешат без возражений. Правда, периодически ныли, что лучше б они в школу ходили и в смартфонах сидели, чем дрова рубить. Безжалостная Натка напомнила им, что в школе есть каникулы, а в деревне нет – напротив, летом работы прибавится. Там огороды да лес, да приезжих больше будет. Стаська с Владькой взвыли и потребовали, чтобы мать обеспечила им право на образование. Клялись не лодырничать, а грызть гранит науки всеми имеющимися зубами. Но вот что странно – домой они не хотели. Здесь, говорили, веселее и воздух чище.

Натка бы еще добавила – и звезды ближе. До чего здесь красивые звезды! Выскочишь ночью в сортир в валенках на босу ногу и в зипуне на плечах, остановишься и забудешь обо всем. Созвездия незнакомые, конечно, но не менее красивые. И за это ночное небо Натка готова была порой все неудобства простить. Подумаешь, мыться в тазиках... подумаешь, туалет на улице... подумаешь... Нет, постирушки в речке и глобальные неудобства в критические дни уже не перекрывались никакими плюсами этого мира.

Минусов было гораздо больше. Начать хотя бы с того, что местные Натку не трогали, а вот из приезжих каждый второй, если не первый, распускал руки – то по заднице хлопнет, то ущипнет, то в коридоре зажмет и примется всякие мерзости предлагать. Нет, Ната к сексу относилась спокойно, чай не девочка, но пока ни с одним из гостей она бы даже в поле рядом не присела. Зубы господ не чистили, а то и не лечили, мылись плохо, одевались неряшливо, хоть и купцы всякие. Разумеется, Оксанка говорила, что есть и другие господа – графья всякие или маркизы, но им не по чину в деревне останавливаться. Ну и предупреждала, что срамные болезни и от графа подцепить можно, поэтому Натка не рисковала.

5. Натка и свекла

Если бы Натку не просили держаться от кухни подальше, она бы задала Оксане много вопросов. Например, какого черта она так издевается над свеклой? Здесь из свеклы делали только какую-то жижу с чесноком, даже орехов не добавляли, или просто ели ее вареную. Причем ее особо и не выращивали, хотя Оксана говорит, что ботва свекольная ценилась высоко. Ее летом и в ботвинью, и в щи, и в салаты пихали. А сам корнеплод, страшно сказать – предпочитали скармливать свиньям. В хозяйстве свекла имелась – но только как лекарство. От запоров, например, или для лечения лихорадки. Натка только диву давалась, почему тут не варили борщ и не делали винегрет. Зато с огромным удовольствием на ужин и обед употребляли репу – вареную или пареную, или брюкву. Женщина и то, и другое искренне ненавидела. Уж на что она себя кулинаром не считала, а порой ужасно хотелось встать за плиту и нажарить картошечки с луком или селедку под шубой смастрячить. Но она держалась изо всех сил: знала, что дашь палец – мигом откусят руку.

Но за свеклу все равно было обидно.

Именно свекла кардинально изменила теперь ее жизнь.

Началось всё очень скверно: на постоялом дворе остановился небольшой отряд солдат. Войны вроде бы в ближайшее время в княжестве Белогорском не намечалось, но армия имелась: на случай военных стычек с соседями, для охраны границ, для защиты дорог от разбойников, для сопровождения налоговых сборщиков и прочих ужасно важных государственных персон. Поэтому никто солдатам не удивился, но и рады им не были. Платить за постой вояки, разумеется, не собирались – на то закон был, что на два-три дня их должны были принять в свой дом любые граждане княжества. К тому же у них было оружие – мечи на спинах и топоры на поясах. А в деревне оружие было разве что у старосты – ржавая алебарда времен прошлой войны, да может быть, у кузнеца пара кривых мечей на перековку. Словом, всё как в России: попробуй господам офицерам возрази – и пропишут тебе тумачок за неуважение к властям. Посему Финоген был осторожен: дочери своей шестнадцатилетней велел с кухни даже носу не казать, жене сказал скалку при себе иметь, а Натку ему вроде бы и жаль было, но кто-то должен работать. Один он бы не справился.

Натка сначала и не поняла, что бояться надо. На первое же предложение (нет, далеко не руки и сердца) она звонко ответила, что ей работать надо, а не глупостями заниматься, на второе – послала матом, на третье – обещала слабительного подлить в похлебку. Солдаты быстро поняли, что прекрасную даму их потасканные прелести не интересуют, зато эль здесь вполне себе неплохой и, главное, для них – бесплатный, и они на время затихли. А потом женщина в своей каморке спряталась, и там уж ее не нашли – потому что дверь всем желающим открывали или Стасик, или Владик. Роста они были уже внушительного, в темноте поди разбери – подростки тут или парни крепкие, к тому же их было двое. Словом, мамины защитники. Наткина честь не пострадала.

А наутро ее разбудила сама Оксанка, причитающая так, что Ната подумала, что случилось самое страшное.

– Опозоримся мы, Ната, как есть опозоримся, – выла женщина. – Делать-то что? Представляешь, такой шанс раз в жизни бывает!

Путем нехитрых вопросов удалось выяснить, что среди ночи на постоялый двор прибыл самый настоящий альв – событие настолько же редкое, как и солнечное затмение. Альвы по землям людей путешествуют редко. В Волковойне, к примеру, их только на картинках видели. Цверги – эти да, останавливались, но не часто. А вот альв – это совсем другой уровень, это престижно! Настолько престижно, что впору вывеску сменить на «Альв и волк», или что-то в этом роде.

– И в чем проблема? – зевая, буркнула Ната. – Поселили же? Наверное, в лучшей комнате?

– Да. А проблема в том, что альвы мясо не едят! Чем его кормить-то?

– Да чем угодно, – удивилась Ната. – Омлет. Каша с фруктами. Сырники испеки. Блины, в конце концов!

– Да-да, – закивала воодушевленно Оксана. – Блины! С медом и творогом! А на обед что? Салату бы, дак нету овощей-то свежих!

– Винегрет, – заявила Натка радостно. – Самое простое! А там – картошку с рыбой в чугунке запеки да супчик постный свари. Отдельно для господина вегана.

Оксанка только глаза таращила. Винегрет, сиречь салат с вареной свеклой, она готовить наотрез отказалась, не веря, что это съедобно. Пришлось Натке самой поставить вариться свеклу, морковку и картошку, резать соленые огурцы и моченое яблоко, да за кислой капустой в бочку лезть. Для соуса смешала дорожущее подсолнечное масло, не менее дорогую горчицу и практически бесплатный яблочный уксус. Ключевая фраза «это для альва» открыла для меня дверцы всех шкафчиков.

– Долго как, – бурчала Оксана, помешивая супчик. – И дорого.

– Зато, если альв оценит, потом на поток поставишь и будешь как «красный альвийский салат» выставлять. Точно говорю, это вкусно. Народу понравится.

Оксана сомневалась, но благоразумно молчала. Натка несколько дней назад рассказывала деткам про силу слов – дескать, еда, приготовленная без матюков, всегда вкуснее и здоровее. А если ласково с ней разговаривать, то еще и портится медленнее. Коровам же включали Моцарта для повышения надоев, и свиньям создавали позитивную атмосферу, чтобы мясо вкуснее было.

Славки не впечатлились, заявив, что в ее теории – кто веселее, того и доят, хорошо еще, если только доят, а не сразу под нож. А вот услышавшая ее слова Оксана задумалась и внезапно прекратила отчаянно ругаться в кухне.

Винегрет был потрясающе красивым. На фарфоровой тарелке, да украшенный помидорами, тонкими ломтиками соленых огурцов и свежей зеленью с окна, такой весь багрово-розово-желтый, яркий, ароматный.

– Выглядит крайне опасно, – заметила Оксана. – Ядовито.

Но попробовала, правда, уже после того, как Натка целую тарелку с причмокиваниями умяла. Глаза закатила, заахала и сама альву потащила новое лакомство. Вернулась на кухню, тяжело дыша.

– Вроде ест. Авось, не помрет.

– Я же не померла, – резонно возразила Ната.

– Ты привыкшая. А альвы – существа нежные, хрупкие, возвышенные!

После такого описания Натка никак не могла в зал не выйти. Очень уж захотелось на настоящего эльфа посмотреть. На вид представитель невиданной доселе расы человекообразных не показался прям уж сказочным. Мужчина, тут сомнений нет. Красивый, изящный мужчина, росту высокого, фигуры худощавой. Волосы длинные, белые, в хвост завязанные. Натка всегда по длинноволосым млела, даже на Егора, паразита этого, чтоб ему там в другом мире икалось, запала потому, что он патлатый был. Косил под металлиста, весь такой брутальный, в коже и высоких ботинках. Красивый был парень, ничего не скажешь.

Альв тоже был красивый и какой-то интеллигентный, что ли. Натка уже и забыла, что бывают такие мужчины, которые умеют пользоваться вилок и салфеткой, не сморкаются на пол, не вытирают рот рукавом. И эти его манеры были даже привлекательнее, чем внешность. Зацепил ее парень, короче. Захотелось расспросить его, что за мир здесь такой, кто он сам по жизни. Но к такому так запросто не подойти, да и кто Натка, а кто он?

Паранька, Финогенова дочка, всё порывалась из кухни выпрыгнуть и лично отнести господину альву чай, кофе, компот, эль, самогон – без разницы, что. Но мать настрого запретила. Солдаты еще квартировались, не хватало только, чтобы они Параньку приметили. Два дня пряталась, не померла, вот пусть и дальше так будет. А чтобы девку занять, ее к блинам пристроили. Блины – дело нехитрое, их можно много напечь, уйдут все.

Альв явился в кухню сам, очаровательно краснея. Три женщины разных лет уставились на него с одинаковым восхищением: ну хорош же, стервец!

– Дамы, я не мог не выразить своей благодарности. Кто готовил это заморское блюдо?

– Она, – кивнула на Натку Оксана. Если бы альв сказал, что мерси, все было очень вкусно, Оксана бы и наврала про семейный рецепт, но лучше не рисковать.

– А рецептик можно? – неожиданно спросил альв. – Видите ли, я хочу свой ресторан открыть, собираю всякие необычные блюда. Борщ я уже умею...

Оксана заулыбалась, а Натка, наоборот, стойку сделала. Откуда он про борщ знает, а?

– Я писать не очень хорошо умею, – призналась Натка. – Могу, конечно. Но вряд ли вы поймете.

– Так вы мне продиктуйте, о прекрасная, а я сам запишу, – мгновенно предложил альв, окидывая ее каким-то откровенно мужским взглядом (или ей только хотелось, чтобы он так на нее смотрел?). – Так быстрее будет.

– Хорошо, – неуверенно согласилась Натка. – Только после рабочего дня, вечером. Вы ведь еще не уезжаете?

– Переночую, – коротко ответил альв.

Он вышел, а Параська Финогеновна вдруг вцепилась Натке в рукав и завывала:

– Меня, меня научи своему рецепту! Я ему продиктую!

– Детка моя, ты для этого дяньки слишком молода, – укоризненно сказала Натка. – Педофилией пахнет. Отпусти и забудь, не для него твоя роза цвела.

– Парась, тебе делать нечего? – хищно прищурилась Оксана. – Ну так марш посуду мыть. Ната, собери!

Ната кивнула, подхватила большой жестяной поднос и побежала в зал. Собрала грязную посуду, нет-нет, да и поглядывая – куда альв подевался? Но альва в зале не было, только солдаты сидели за длинным столом, о чем-то болтали и ржали так громко, что стекла в окнах дребезжали.

Нагруженная как верблюд, Натка вернулась в кухню. Выглянула в окно – где, интересно, Славики болтаются? Впрочем, вода натаскана, дрова нарублены и аккуратно уложены, на дворе чисто. Чем бы детки не тешились, лишь бы в рот не тянули, да. Посмотрела и забыла. Поди на речку пошли или в лес.

А под вечер в кухню ворвался бледно-зеленый Владька и дрожащим ломким голосом пропищал:

– Мам, там Стасик... Мама!

6. Натка и нестандартные решения

У Натки внутренности свернулись комом. Она сразу поняла, что случилось нечто ужасное. Примерно такое лицо было у Стасика, когда Владик грохнулся со второго этажа заброшенной стройки и сломал себе ногу. Такое лицо было у Владьки, когда он вернулся с прогулки со шприцом, воткнутым в ногу. Короче, всё было очень плохо, и женщина, уронив на пол полотенце, которым вытирала посуду, помчалась в обеденный зал.

Стаська нашелся быстро. Он сидел за одним из столов в центре зала, а вокруг стояли солдаты и простые посетители. Судя по блаженно-задумчивому лицу, ее младший на сегодня сын был пьян в дрободан. На всякий случай Натка развернулась и двинула Владьку по шее (выше не дотянулась) – для профилактики и еще потому, что кто-то должен быть виноват.

– Ты куда смотрел, дурака кусок, – испуганно прошипела она. – Почему сразу не пришел?

– Дык это... по делам ходил.

Натка его дела немного представляла, у этих дел была длинная темно-рыжая коса и веснушки на носу. К счастью, девочки братьям нравились разные, а еще здесь девушки были другие, они и не подозревали, что бывает такая штука, как добрачный секс. Впрочем, они также не подозревали, что где-то на свете есть такие отъявленные мерзавцы, как Влад и Стас Орловы, которые способны продать снег чукче.

– Что здесь происходит? – громко спросила Натка, прищурившись и обводя своим «мегеровским» взглядом притихшую толпу.

– Мама, – расплылся в дебильной улыбке Станислав. – А я... ик! – нам денег заработал! – он гордо обвел рукой небольшую кучку меди на столе. – И работу... ик! нашел.

– Какую? – если бы голосом можно было убивать, на голову Стасика сейчас бы свалилась ледяная глыба.

– Сборщиком налогов, во!

Стасик развалился на стуле, глядя на мать с превосходством, и до того он был в этот момент похож на отца (все знают, что дети похожи на отцов в самые ужасные моменты), что Натке немедленно захотелось его убить. Впрочем, такое желание у нее возникало не один и не два раза в неделю, гораздо, гораздо чаще.

– Мытарем, стало быть...

– Не, мыть ничего не буду. Деньги собирать буду.

– Дамочка, ваш сын подписал бумаги, – нагло заявил капрал с рыжими усами, которого Натка уже успела приложить еще вчера коленкой ниже пояса. – Он свою жизнь продал нам.

– Продал? – похолодела Натка.

– Продал, проиграл... не важно. Он подписал контракт на двадцать пять лет.

– Он несовершеннолетний, – выдавила из себя Натка.

– Четырнадцать есть?

– Нет! – заорала женщина.

– Да, – закивал болван Стаська. Ведь врал, но зачем, зачем? Тоже мне, герой партизанского движения нашелся!

– Четырнадцати ему нет, он пьян и не соображает, – твёрдо сказала Ната. – Влад, тебе сколько лет?

– Тринадцать, – с готовностью ответил временно старший сын.

– Вот, а они близнецы.

– А вы, дамочка, все равно ничего не докажете, – нагло ухмыльнулся усатый. – Но я могу рассмотреть ваши аргументы в приватной обстановке.

Натка похолодела. Не понять, на что намекает усатый, было невозможно. Продавать себя ради детей ей еще не приходилось, но, видимо, когда-то надо начинать. С одной стороны, ничего, она не девочка, потерпит, а с другой – а какие у нее гарантии?

– Я могу вашему слову верить? – с достоинством выпрямилась женщина, почему-то вцепившись в палец, где много лет назад носила обручальное кольцо.

– Как стараться будешь, – похабно ухмыльнулся капрал, а потом протянул руку и пощупал Натку за грудь.

Бам-м-м! Оплеуху нахалу Натка выписала чисто машинально, и только потом поняла, что наделала.

– Что ж, значит, не договоримся, – довольно спокойно сказал усатый. – Тогда я вашего мальчика герцогу Лотрейну перепродам. Будет отрабатывать свою стоимость. Герцогу всегда нужны свежие рабы.

– Еще раз повтори, что ты сказал, – неожиданно раздался ледяной голос со стороны стойки.

Все обернулись. У стойки стоял красивый и мертвенно бледный альв. Губы у него дрожали, но рука, лежащая на рукоятке меча, была тверда.

– Уважаемый, это не ваше дело, – недовольно поморщился капрал. – Идите куда шли.

– Почему это не мое, мое.

– Да ну? И каким местом вы относитесь к этой женщине?

– Она моя жена, – неожиданно ответил альв.

Все ахнули.

– И давно? – шевельнул усами капрал.

– Я немного не так выразился, – поправился бледный альв. – Она моя будущая жена. Мы поженимся завтра поутру.

– Альвы не женятся на людях, – неуверенно сказал усатый.

– А я нетипичный альв, – отрезал блондин. – Мы поженимся, и дети перейдут под мою опеку. Им нет четырнадцати, они не имеют права заключать никакие договора без разрешения опекуна.

– Но карточный долг...

– Садись и сыграй со мной. Я не ребенок, которого напоили. И у меня есть деньги.

Натка, затаив дыхание, смотрела, как странный альв спасает ее сына. Она не совсем понимала, что он делает, но мешать ему не собиралась. Что угодно, только бы Стаську, дурачка, вытащить! К ней шагнул Владик и обнял мать за плечи. Натка устало к нему прижалась, радуясь, что хоть на мгновение кто-то принял ответственность на себя.

– Я не буду с тобой играть, – буркнул бордовый, как свекла, капрал. – Ты лжец и выдумщик. Просто заберу парня. Ничего ты не женишься.

– Seriously? – вскинул брови альв. – Эй, в этой деревушке есть священник?

– Есть, – ответил ему нестройных голосов. – Позвать?

– Зовите.

Альв сел на стул, картинно закинул ногу на ногу и, не моргая, уставился на солдат. Натка тоже замерла. Народ волновался, перешептывался, но не расходился, ждали, чем вся эта странная история. Натка была здесь чужачкой, за нее никто бы не вступился, да и спорить с солдатами – себе дороже.

Но священника привели быстро, ничего не скажешь. И седовласый благообразный мужчина притащил с собой книгу записей, а значит – все серьезно. Видимо, по дороге служителю объяснили, что происходит, потому что он не стал задавать лишних вопросов, а сразу плюхнул свой талмуд на стол, достал чернильницу и перо и спросил:

– Как записывать молодоженов?

– Валенуэль Сизокрылый, родился в Валь-Шааде.

– Наталья Орлова, родилась в деревне Березоньки.

– Запись сделана в деревне Волковойня в месяце Зимоборе. Отныне вы муж и жена. Обменяйтесь... хм... а колец у вас и нету.

– А кольца нам и не надо, – серьезно ответил альв. – У альвов серьгами обмениваются. Наталья, у вас есть лишние, я видел.

В край охреневшая от такого радикального поворота событий Натка позволила снять у себя из хрящика правого уха один из гвоздиков. Альв же вынул из своего длинного уха золотое колечко, вытер его рукавом и вдел Нате в ухо.

Охреть, охреть, охреть!

На лице у вменяемого Владьки тоже буря эмоций. Он вроде и понимает, что к чему, но рот все равно открыл.

– Вставь мне серьгу в ухо, – просит Валенуэль свою теперь уже жену, садится снова на стул и убирает волосы.

Ната послушно вставляет гвоздик в дырочку. Сердце у нее пускается вскачь. Все это настолько глупо, настолько не с ней, что осознание прохладного упругого уха под пальцами вызывает волну странного жара. Ната понимает, что краснеет, что такое невинное прикосновение вызывает далеко не невинные мысли: а что, если он захочет?..

Она отдергивает пальцы и смятенно смотрит на альва. Тот же устало прикрывает глаза и командует – будто он имеет на это право:

– Мальчика отнесите в постель, пусть спит.

И правда, Стасик уже сопел, лежа лицом на столе.

– Наталья, утром мы уезжаем, собери свои вещи, – равнодушно сказал альв, холодно оглядев присутствующих.

Финоген, доселе молча наблюдавший за происходящим, попытался было возразить, но тут же увял под надменным взглядом альва.

– Куда! – неожиданно рявкнул альв, когда Стаса потащили через кухню в Наткину каморку. – Наверх несите, в мой номер. Теперь это мой сын, будет ночевать со мной. А ты за ним присмотришь, да, сынок? – Валенуэль перевел суровый взгляд на Владьку и тот истово закивал головой.

– Иди ужинай, – неожиданно мягко сказал альв Натке. – Ты, наверное, за весь день не присела.

Натка помотала головой, потом кивнула – горло словно сжало тисками. Она совершенно не представляла, что сказать. Возможно, этот эльф псих, возможно – этот глупый поступок еще отольется ей горькими слезами, но, положила руку на сердце, спать с эльфом ей было бы гораздо приятнее, чем с усатым. К тому же Валенуэль действительно ее спас.

Она поднялась вместе с Владькой в большой светлый номер, радуясь, что альв выбрал самые дорогие комнаты. Здесь, кроме кровати, были еще два кресла, в одно из которых сгрузили Стаса.

Сама Натка опустилась в другое кресло и тут же поняла, что это было крайне опрометчивое решение. Ноги и руки немедленно налились чугунной тяжестью, а глаза закрылись сами собой.

– Владь, вещи наши собери, – сонно приказала она сыну. – Я нашла вам нового папку, завтра уедем с ним.

– Мам, ты нормальная вообще? – заорал подросток. – Куда ты собралась с неизвестным мужиком? Я никуда не поеду!

– Ты, как я поняла, еще несовершеннолетний, – устало ответила Натка, не открывая глаз. – Поедешь, как миленький. Или ты думаешь, что нам солдаты это вот все спустят? Ага, щаз, мстить будут. Или ты не понял, каким образом усатый предложил мне расплатиться за Стаськину свободу?

– А ты с этим ушастым будешь другим местом расплачиваться, да?

– Если он на мальчика согласится, то я тобой расплачусь, паразит, – свирепо рыкнула женщина. – И вообще, как с матерью разговариваешь, щенок?

– Как хочу, так и разговариваю, – огрызнулся Стаська. – Я мужчина, не указывай мне, что думать и что делать! Ай!

Стаська взвизгнул дурным голосом. Натка приоткрыла один глаз: альв держал зарвавшегося подростка за ухо.

– Еще раз услышу, что ты с матерью таким тоном разговариваешь – выпорю, – буднично сообщил альв. – Я теперь ее муж, право имею. Впрочем, ты, отрок, считаешь себя взрослым? Могу выдать тебе бумагу, что ты самостоятельный. Покажешь ее солдатам внизу, а?

– Не надо, – быстро сказал Стаська. – Прости, мама, я переволновался. Я больше не буду. Я пойду собирать вещи.

Альв с красивым именем Валенуэль отпустил мальчишку и махнул рукой. Тот быстро сбежал.

– Ты чего не поела? – спросил альв Натку, присев рядом с ней. – Давай принесу?

– Не хочу, – вяло ответила она. – Сдохнуть хочу от всего этого.

– Ну нет, вдовцом мне рано становиться, – с улыбкой в голосе ответил альв. – Наталья, я тебя на кровать перенесу, поспи.

– Ната. Называй меня Ната.

– А я Валь. Можно Валик.

– Нет, Валик – глупо. Валь – гораздо красивее. Буду звать Валем.

7. Натка и собственный дом

Выезжали поутру, степенно, неторопливо, будто так и планировали. Нажравшиеся давеча солдаты еще спали. Финоген тоскливо вздыхал, утирал несуществующие слезы и порывался Натку облобызать и завывать «на кого ж ты меня покинула», но женщина сурово посмотрела на хозяина постоянного двора и спросила, куда же он смотрел, когда солдаты Владьку окучивали. Мужик как-то сразу сдулся, вспомнил о неотложном деле в кухне, да так и исчез там с концами. Зато Параська до самого отъезда прожигала Натку и ее семью взглядом, полным ненависти и безмерной скорби.

У альва очень кстати при себе оказался фургон, загруженный посудой.

– Ресторан, – коротко ответил он в ответ на изумленный Наткин взгляд и замолчал.

Стаська прикидывался умирающим лебедем, стонал и делал вид, что совершенно не помнит, что вчера произошло. Владька недобро косился на новоиспеченного отчима и что-то нашептывал брату. А Натка решила не обращать на сыновей внимания – все равно момент для разговора по душам был неподходящий – и просто села на облучок к альву, стало быть спиной к сыновьям.

Едва поместилась. Надо признать, рядом с утонченным альвом в длинном бархатном плаще с меховой опушкой и высокой шапкой-бояркой Натка в овечьем тулупе, валенках и шерстяном платке смотрелась уморительно. Как любая мать, она купила сыновьям приличные сапоги из козлиной кожи с меховыми стельками и неплохие, хоть и изрядно потертые дубленые куртки, а на себя махнула рукой – как, впрочем, и в прошлой жизни делала. Сказала, что ей и так сойдет, все равно женихов не предвидится, так что – не распугает. Действительно, не распугала. Как в воду глядела. Ей было неловко, она стеснялась своего вида, и красные озябшие руки прятала в рукава, но все равно сидела рядом с альвом на потеху честному народу. Хорошо, зимой светлеет поздно, никто их из Волковойни не увидел. И слава Всевышнему.

Натке было любопытно, что теперь Валенуэль собирается делать. Как она подозревала, Валенуэлю тоже.

– Ната, у меня к тебе предложение, – сказал, наконец, Валь, когда и деревня, и половина леса остались позади.

– Внемлю, – хмыкнула женщина.

– Я оставляю вас в Каменске до весны, а сам дальше – в Арахат. Там у меня знакомый есть, который обещал помочь с открытием своего дела. Все вопросы решу, и вернусь за вами. Не думай, не брошу. Просто я и сам не знаю, что там в Арахате, где жить, какие люди там, а в Каменске у меня почти что родня. Ну и в Холодный замок заехать нужно, письмо от Морозного передать. Так вот, я могу тебе в гостинице поселить, а могу дом какой присмотреть. Как тебе лучше?

– Настоящий дом?

– Ну да. Снимем. Или купим.

– Эх... Валь, ты ничего нам не должен, – тихо сказала Натка. – Спасибо, что помог нам, но дальше мы сами.

– Ясно, дом так дом, – кивнул альв.

Натка невольно улыбнулась.

Дети сидели на удивление тихо, не просились ни есть, ни в кустики. Натка надеялась, что они там не задумывают против Валя никакой гадости, но верила в это слабо. Наверное, даже хорошо, что альв их здесь оставит, потому что будет время привыкнуть к новому положению. Никаких иллюзий Ната не питала: альву она не пара и все тут. Почему-то она казалась самой себе рядом с ней стареющей теткой. Да, ей всего тридцать два, ну так Валь на вид чуть больше двадцати, а еще он останется таким на сотню-другую лет, а она будет стремительно стареть.

Поэтому глупо даже предполагать, что у них что-то может получиться, это просто смешно. Ну, а раз не может – то не стоит и волноваться из-за внешности и пытаться казаться лучше, чем есть.

Каменск по местным меркам, наверное, считался едва ли не мегаполисом: тут были дома каменные, двухэтажные, улицы довольно широкие, мощёные камнем, а где не было камня – там была дощатая мостовая. Городок миленький, аккуратный, как с картинки из книги сказок: весь заснеженный-запорошенный. Их приземистые лохматые лошадки звонко цокали по доскам, а Валь вертел головой, а потом громко спросил у мужиков, которые о чем-то степенно беседовали возле лавки с вывеской в виде калача:

– Уважаемые, а не подскажете ли, где можно домик на пару месяцев снять?

Мужички прервались, внимательно оглядели и красивого элегантного Валя, и уставшую некрасивую Натку, подумали и сообщили:

– Снять дом – это сложно. Вот комнату Маланья-вдова сдает, и еще у цвергов в гостинице можно остановиться. А ежели купить – так ведьмин дом сейчас продается.

– Что за ведьмин дом? – заинтересовался альв.

– Та эта... лекарка местная сбегла еще по осени... отравила одного тут и сбегла, знать, побоялась, что ее казнят. А дом остался, его дядька этой лекарки продает уже третий месяц, да никто пока не позарился.

– Почему не позарился?

– Маленький он. Всего две комнаты. Деревянный. Да еще на окраине. Дураков нет.

– А дорого ли хочет за дом? – вмешалась Натка, опасаясь, что Валь решит искать другой вариант. – А посмотреть можно?

– Нат, – укоризненно посмотрел на женщину альв. – Зачем тебе деревянный дом с дурной славой?

– Ну давай посмотрим? – Ната умоляюще взглянула на «мужа», и тот сдался.

– Где, говорите, находится ваш «ведьмин дом»?

===

Дом был хорош. Натка и в прошлой жизни бы оценила, а сейчас, после трактира, и вовсе пребывала в восторге. Одна большая комната, одна маленькая, отдельная кухня – и пусть, что с печью. С печью Ната управляться умела с детства. И дрова умела колоть, хотя теперь ей это было не нужно. Мальчишки сделают. Деревянные полы сладко скрипят, на окнах лёгкие занавески, есть массивный шкаф с посудой, полки для книг и полосатый половичок возле небольшого дивана. В маленькой комнате – широкая кровать и шкаф. Здесь будут спать близнецы, а она – на диванчике.

А еще действительно стоял в отдалении от остальных, и тут даже была банька – приземистое строение с полками, каменным очагом и большим чугунным котлом.

Валенуэль же крутил носом и уверял, что может позволить себе купить НОРМАЛЬНЫЙ дом, а не эту хижину, но Натка тоже умела быть упрямой. Меньше всего ей хотелось как-то его обязывать. И без того он сделал для нее больше, чем кто-то другой за всю ее жизнь. В конце концов альв пожал плечами и уступил, проворчав, что впервые видит такую нетребовательную женщину. Славки стояли молча, смотрели на маминого мужа исподлобья и с такой ненавистью, что Натке захотелось отвесить им по подзатыльнику, но Валь только усмехался и раздавал указания:

– Мать беречь и слушаться, вернусь – проверю. Денег я оставлю. На сегодня дров хватит, а завтра купите. Колодец вниз по улице, я узнавал. Рынок тоже недалеко.

– Езжайте уже, дядя, – процедил сквозь зубы Стаська. – Тринадцать лет как-то без вас справлялись и дальше не помрем.

– Видел я, как вы справлялись, – усмехнулся Валенуэль. – Братца твоего чуть в рабство не уpekли.

– Больно вы знаете! Может, и не случилось бы ничего.

– Знаю, – спокойно ответил альв. – Я пятнадцать лет назад так же в карты проигрался. В рабстве у людей и цвергов был. Мне не понравилось, и Владу бы не понравилось, поверь мне.

Натка зажала рот руками, а Стас замолчал. Каким бы дурачком он не был, а спорить у него желание пропало. Он теперь смотрел на альва даже с определенным уважением. Ната тоже. Она ведь думала, что альв такой весь из себя рафинированный-дезодорированный, чистый до скрипа, а оказалось – тоже дерьма немало хлебнул. Видимо, поэтому за Стаса и вступился.

Сам альв своего откровения не стеснялся, просто еще раз окинул взглядом дом, неодобрительно покачал головой, а потом мальчишечьи ухмыльнулся, подошел к Нате и быстро поцеловал ее прямо в губы. Она опешила, захлопала глазами, а Валь заглянул ей в глаза и пообещал:

– Я вернусь. Не делай глупостей, ладно? Обязательно меня дождись.

– Ладно, – неуверенно согласилась Ната.

– Обещай.

– Обещаю.

Валь кивнул, запрыгнул в свою телегу и щелкнул поводьями. Ната стола и смотрела, как он уезжает даже тогда, когда дети, сказав явно нехорошее слово, ушли в дом. Только потом, когда уде и стука колес было не слышно, женщина прошла в дом, скинула ненавистный вдруг тулуп и завалилась на кушетку.

Ей было, о чем подумать. Значит, он обещал вернуться. А еще – она ему нравится, хотя в таком тулупе – странно. Он ее по-це-ло-вал. Наверное, назло мальчишкам, но факт остается фактом. А вот интересно, где он будет спать, когда вернется? А вдруг – с ней? Признаться честно, Натка обеими руками за. Альв красивый, чуткий, спокойный. Отсутствие истеричности женщина ценила куда больше внешности. И ещё чувство юмора, а этого в Валенуэле было достаточно.

Ну и вообще... она не могла не представить, как они хорошо смотрелись бы вместе. Оба высокие, тонкие, он – белый, она – смуглая, с тёмными волосами и глазами. Правда, недолго бы они хорошо смотрелись... Но она же не собирается с ним жить долго и счастливо, это глупо. А вот если... подарить себе немного любви... почему нет?

Натка немного видела в жизни, но неудачницей себя не считала. Закончила школу с медалью, уехала за четыреста километров от родного дома, поступила в институт. На первом же курсе выскочила замуж по огромной любви. Сейчас она не понимала, что Егор в ней нашёл – в простушке из деревни, но знала – любовь у них была. Это уже потом, после рождения мальчишек, он не смог. Не хватило у него сил.

На самом деле Егору нужна была мамка, и Натка, выросшая в стесненных условиях, успешно с задачей справлялась. Её энергии хватало на всё: и на готовку (делов-то – печь топить не надо, вода из крана течет), и на уборку (чай, не свинарник убирать, а свой дом), и на учёбу, которая давалась ей легко. Секс? Да пожалуйста! Пирог? Запросто! Курсовую сделать за двоих? Ну и пусть на первом курсе не проходили начертательную геометрию – ничего сложного там не было.

А потом у Натки появилось еще двое детей, и Егор уже перешел в разряд «больших мальчиков». Зря, наверное. Нужно было попытаться сохранить семью, потерпеть, но без него внезапно стало легче. Никто не искал чистые носки по утрам, когда дети только заснули, никто не требовал горячей еды, никто не спрашивал, почему пол грязный. Когда Егор собрал свои вещи и ушел жить к маме, Натка ругалась, плакала и рисовала на обоях график кормления. А ведь то время закончилось, но Егор уже не вернулся, и только тогда, когда он подал на развод, ее отпустило чувство вины. Это не она такая неполноценная, а он мудака.

Думала ли она, что когда-нибудь выйдет замуж второй раз? Конечно, думала! А чего нет-то? Мужиков много, найдется и такой, кто сможет взять на себя ответственность за нее и мальчишек. И ведь нашелся! Пусть не человек, а альв. Пусть уехал! Но даже такое смутное

осознание, что она больше не одна, что есть кто-то **ВЗРОСЛЫЙ**, кто ей поможет при случае, неожиданно ее привело в состояние полного удовлетворения.

8. Натка и планы на будущее

Дом был, пожалуй, странный. Обе комнаты пыльные, явно нежилые, а вот кухня сверкала чистотой. Горшки, чашки, тарелки пришлось перемыть – удовольствие при отсутствии водопровода сомнительное, а глиняная миска и ступка с пестом аж блестят, словно их мыли еще вчера. А точно ли ведьма ушла из города, или она все еще посещает свой дом? Отчего-то мысль о прошлой обительнице не вызвала у Натки никаких страхов. Не то она не верила до конца в колдовство, не то смотрела слишком много фильмов про святую инквизицию. Ведьма и ведьма, фигня вопрос. Она с двухмесячными близнецами справилась, и с близнецами в пубертатном периоде справилась, что ей какая-то девица?

Что ведьма была молодой, было понятно сразу. В сундуке под кроватью нашлись неплохие женские вещи: чулочки, перчатки, меховой полушубок – легкий и пушистый, не то что овчинная доха, нижнее белье с кружевами, белоснежная блузка на шнуровке и богатое красное платье из тонкой шерсти. Хорошо живут ведьмы, ничего не скажешь!

Шубку не удержалась, померила. Хороша шубка и, главное, почти впору: рукава только коротковаты. Но совесть чужое не позволила взять, пришлось убрать на место. Все же вещь явно дорогая. Конечно, мальчишки хором уверяли мать, что дом принадлежит им, а значит и все, что внутри – тоже их имущество. Но, во-первых, дом купил альв, Натка в него ни гроша не вложила. Да, совместно-нажитое имущество, но это нечестно. Пока они не обсуждали, как будут жить дальше, так что – шубка подождет.

А вот уборка не подождет, и, вооружившись тряпкой и ведром с водой, Натка перемыла дом, еще больше радуясь, что жилище выбрала совсем небольшое. Окна вымыла тоже, полы, даже стены протерла. Славки помогали – половички выбили, воды натаскали. Пока Ната возилась с полами, они пробежались по окрестностям, нашли рынок, купили дров, картошки и чесночной колбасы. Лучше бы, конечно, кусок мяса, но что взять с вечно-голодных подростков? Что сильнее пахло, то и схватили. В любом случае сковородка в наличии имелась, печь тоже, поэтому с ужином проблем не возникло.

Отодвинув заслонку печи, Натка заглянула внутрь и усмехнулась. Чего-то подобного она ожидала с самого начала. Внутри лежал сверток. В свертке была книга в кожаной обложке и с совершенно чистыми листами. Скорее даже, не книга, а тетрадь. Вот оно, ведьмино наследство! Надо будет полистать на досуге, здесь точно есть какой-то секрет. Мальчишкам покажет, наверняка они разгадают. А пока Ната завернула книгу в тряпицу и спрятала на дно сундука под шубку. Печь ей была нужна совсем для другого.

А вечером, уже совсем в ночь, Ната растопила баню – уж как умела. Разожгла огонь в очаге, налила воды в котелок, потом цепляла раскаленные камни большими щипцами и кидала их в воду. И помылась, и постирала вещи – свои и детские, и мальчишек заставила вымыться, да так увозилась за день с непривычки, что не помнила, сама ли до дома дошла, или дети дотащили.

Впервые за много лет Натка абсолютно выпалась. До сладкой боли в костях, до головокружительной слабости, до того, что открывшиеся глаза отказывались закрываться обратно. Ломило плечи, спину и мышцы ног – кто-то вчера перетрудился. Зато чисто, и можно спокойно обживаться, осматривать новый дом, а то она, кроме сундука и бани, ничего и не видела. Мальчишки встали раньше, кажется, растопили печь, потому что в доме тепло, почти жарко. На столе в кухонной части стоит чугунок с картошкой. Ан нет, вылизанный дочиста. Но в деревянной миске рядом несколько ломтиков картошки и сиротливый кусочек колбасы – позаботились о маме. Сразу видно – голодные были безумно, но совесть не позволила сожрать всё подчистую, как это бывало раньше, в прошлой жизни. Всё-таки они учатся, и это тоже ее, Натки, заслуга. Подавись, Орлов, она хорошая мать!

А хорошей матери вполне можно весь день валяться на кушетке, только раздавая указания: Слав, почисти еще картошки! Слав, и водички подай! Слав, ну чего ты как маленький, ведь ты же знаешь, как печка работает! Поставь туда горшок с картошкой, ничего ведь сложного? Нет, за колбасой сбегать не надо, но вон там на полке, за шторкой были какие-то баночки, загляни. Что там? Мед? Соленья! Нет, грибы поставь на место, мало ли, а вот мед можно на хлеб намазывать... Ладно, в булочную можете сбегать, тут она совсем рядом...

Дети – это не только хлопоты, но еще и бесплатная рабочая сила, да...

Знакомство с соседями Ната решила отложить для лучших времен. Погулять она все же ближе к вечеру выползла, поглазела на окрестные улицы и пустой уже рынок, напонила себе, что за покупками лучше ходить самой, здесь не супермаркет, где можно срок годности на этикетке посмотреть. Мерзкий, мерзкий овчинный тулуп с чужого плеча! В деревне годился, а тут за него Натке было отчаянно стыдно. Все женщины, которых она встречала, были в красивых плащах или шубах. Валенки были только на мальчишках, которые бегали по улице. Ее охватило острое искушение потратить деньги, оставленные Валем, на новую одежду. С одной стороны, это ведь ее дело – что покупать, правда? С голоду не помрет, у нее есть книги, шесть личных золотых монет и голова на плечах, неплохая, между просим, голова. Надо подумать, как заработать денег – а остальное всё приложится.

Теперь, когда у них был свой дом – а надо сказать, у Натки никогда в жизни не было своего собственного жилья – у нее словно крылья за спиной выросли. Теперь она уже в тот, другой мир, к Егору и его претензиям не хотела ни за какие деньги. Здесь нет прокладок? Ну так она изобретет! И памперсы, и водопровод, и мясорубку, и что там еще можно? Двадцать блюд из свеклы? Двести из картошки? Фаршированные перцы? Чахохбили? Ах, какие головокружительные перспективы перед ней открываются! Нужен был только дом...

Ната не могла не думать о Валенуэле без огромной благодарности: герой, как есть герой! Самый лучший, самый щедрый мужчина в ее жизни! Вот он вернется – и она все ему скажет. Мальчишки, правда, ее совсем не понимали: сначала они ревновали мать к постороннему дядьке, а потом, когда Ната сказала, что брак у них фиктивный, принялись возмущаться еще больше.

– Чего этому козлу ушастому надо? – фыркнул Владик. – Ты у нас самая красивая, а он нос воротит!

– Владь, так мы взрослые люди, мы не можем вот так запросто. Нужна любовь...

– Мам, да ты чего, какая любовь? Нет никакой любви, есть только гормональные всплески, нам в школе психолог так говорил!

– Есть любовь, Владик. Настоящая. Когда за другого человека готов горой стоять, на смерть идти. Я вот за вас готова и умереть.

– Мам, ну это другое, – смущенно сказал Стасик, неловко обнимая Натку. – Мы же твои дети. А с мужиком посторонним разве такое может быть?

– Но я ведь всего лишь женщина, Слав, – мягко сказала Ната. – Я тоже хочу иногда быть слабой, чтобы обо мне заботились, чтобы меня баловали...

Мальчишки переглянулись и нахмурились.

– А мы – мужчины, – сурово сказал Владик. – Мы будем о тебе заботиться и баловать тебя, вот поверь. Мы уже взрослые, да, Стас?

– Угу, – согласилась его копия. – Шубу тебе купим, мам. Ты ведь хотела шубу, да? Как ту, что в сундуке. Не все тебе в этой баранине ходить. Будешь у нас самая красивая, и эльф сразу в тебя влюбится.

– Слав, так я что-то не поняла, мне чего с эльфом-то делать? – Натка с улыбкой посмотрела на своих сыновей-защитников. – Только что вы говорили, что не нужен он нам?

– А что с ним сделать, если вы уже поженились? – удивился Стаська. – Теперь себе остав-
ляй, тем более, у него деньги есть, и он не жмот, как некоторые... Вон, дом нам купил, обещал
с собой забрать. И вообще... может, ты теперь нам сестренку родишь?

Натка вытаращила глаза, краснея, как помидор, а мальчики вдруг посмотрели на нее
жалобно. Это что же, им сестра нужна? А она всегда думала, что им и друг друга достаточно.

– Все сложно, мои хорошие, – вздохнула она. – Давайте поговорим об этом потом, когда
Валь вернется.

– Если вернется, – очень тихо сказал Владик.

– Не вернется – сами выживем, – пожала плечами Ната. – Из дома нас никто не гонит,
заметьте. А что до денег... есть у меня одна идея на миллион баксов. Мне кажется, должно
зайти.

– Какая? – тут же оживились мальчишки.

– Пока не скажу. Только мне нужны будут бумага и ручка, в смысле, перья с чернилами.
А потом еще кузнец хороший.

9. Натка и ведьмино наследство

К концу первой недели пребывания в доме Ната обнаружила погреб. Почему-то она несколько раз на дню проходила мимо половичка возле печки, дважды мыла под ним пол, а металлического кольца ну никак не могла увидеть. Ведьмин дом, что сказать! Это как с книгой – там тоже страницы чистые были, но ведь явно не просто так она была спрятана. И, поскольку спрятано, лезть вниз было страшновато. Мало ли, какие там секреты таятся! Но оказалось, что страшно только ей, потому что чуть позже из этого погреба раздался вопль Стасика:

– Ух ты, огурцы!

Ему лишь бы пожрать.

Пришлось-таки лезть за неразумным отпрыском. Действительно, огурцы. Соленые, в бочке. Вкусные, со смородиновым листом, чесноком и укропом. И капуста квашеная. И кадка с грибами. И бонусом – ларь с непонятными мешочками, внутри которых были травы, и глиняными запечатанными горшочками. На горшках и мешочках были ярлыки с непонятными знаками. Натка крепко задумалась. Какова вероятность, что ведьма вернется за своим добром? Она бы сама вернулась всенепременно. К тому же женщина была уверена, что дом как бы не совсем и брошенный был. Но шиш с маслом этой ведьме – теперь это Натин дом, пусть бывшая хозяйка даже не думает, что Ната уйдет отсюда без боя. Конечно, Натке ведьму жалко, как там, в старом советском мультфильме говорилось: «Ну, что поделать! В дождь и снег нельзя же быть без крова. Кто сам просился на ночлег, скорей поймёт другого». Натка всегда с этой сказки ревела, потому что по жизни ощущала себя этим самым брошенным котенком-сироткой. Премерзкое, надо сказать, ощущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.